

Выстоять — исторический долг

Петр Турчин, профессор Коннектикутского университета (University of Connecticut) США, специалист в области популяционной динамики и математического моделирования исторической динамики, автор книг «Историческая динамика: на пути к теоретической истории» (2007) и «War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations» (2006).

Русско-японская война привела к революции 1905 года, Первая мировая — к Февральской революции, а за афганской войной последовал распад Советского Союза. Почему же в 1941–1942 годах, испытав несравнимо более тяжелый удар, СССР не распался?

Фото: ИТАР-ТАСС

в Сталинградской битве.

Более того, экономические теории военного успеха указывают, что важен не только общий объем экономики, но и ее качество (измеряемое подушевым ВВП). Как отметил историк Марк Харрисон, в Первой мировой воюющие страны выбывали из войны в строгой зависимости от степени развитости своей экономики: первой развалилась экономика Российской империи, затем Австрии. Германия продержалась до 1919 года, а Великобритания вообще избежала экономического коллапса. В 1930–е СССР прошел быструю и в целом успешную индустриализацию, но советская экономика уступала по качеству немецкой, особенно сильно — в низкопродуктивном аграрном секторе.

Не отрицая значительного вклада в победу довоенной индустриализации (ну и, конечно, климата и пространства — как же без них), мы все же должны признать, что определяющую роль сыграл моральный фактор — воля к победе, способность к самопожертвованию и сплоченность нации. Причем воля к победе была важна не только на поле битвы, но и в тылу — на заводе и в конструкторском бюро. В результате напряжения всех сил СССР, несмотря на заметно меньший экономический потенциал, удалось наладить производство боевой техники, по количеству и качеству не уступающее немецкой. Например, в 1942 году СССР произвел в четыре раза больше танков, чем Германия, и большинство из них составляли лучшие танки

Наполеон считал, что на войне моральный фактор относится к физическому как 3:1.

И действительно, было бы трудно понять победу Советского Союза над нацистской Германией, сравнивая лишь экономический потенциал противников. ВВП довоенных Германии и СССР был практически одинаковый, а на 1942 год совокупная экономическая мощь Германии, с учетом завоеванных территорий, превосходила мощь урезанного СССР в несколько раз. Тем не менее Красной армии удалось переломить ход войны

в мире — Т-34.

Но что интересно, насколько Великая Отечественная выбивается из ряда российских войн XX века. Русско-японская война привела к революции 1905 года, Первая мировая — к Февральской революции, а за афганской войной последовал распад Советского Союза. Почему же в 1941–1942 годах, испытав несравнимо более тяжелый удар, СССР не распался? Позволяют ли общие закономерности исторической динамики — клиодинамики — ответить на этот вопрос?

Фактор внешней угрозы

На самом деле именно тяжесть удара объясняет, почему начальные военные поражения не вызвали дезинтегративных процессов в российском обществе. Мыслители прошлого, включая арабского историка XIV века Ибн Халдуна и немецкого социолога Георга Зиммеля, давно отметили, что внешняя угроза сплачивает общество. Но не каждое общество способно к мобилизации всех своих ресурсов под влиянием внешней угрозы — здесь ключевую роль играет его история.

Логично предположить, что в тех регионах земного шара, где военные конфликты особенно интенсивны и вероятность уничтожения всего этноса особенно высока, будут выживать только наиболее сплоченные группы. В доиндустриальную эпоху одними из самых ярких примеров таких областей были степные пограничья между аграрными и кочевыми обществами. Геноцид и этноцид (уничтожение этноса без физической гибели его носителей) были обычным результатом войн между этими двумя типами обществ. Чингисхан был отнюдь не единственным степным полководцем, который вырезал население захваченных городов до последнего младенца. Участь побежденных степняков была зачастую не менее трагична, как показывает геноцид джунгарцев после их разгрома Цинским Китаем. Результатом такого жесткого межгруппового отбора должна быть эволюция крайне агрессивных обществ, обладающих большим потенциалом к экспансии и высоким уровнем внутренней сплоченности. И действительно, эмпирическое исследование автора показало, что более 90% из 65 великих доиндустриальных империй с территориями, измеряемыми в миллионах квадратных километров и населенных миллионами людей, зародились на степных пограничьях.

Возникновение и расширение Московской Руси полностью вписывается в эту макроисторическую закономерность. Между Москвой и ее степным рубежом, который в XV веке проходил по Оке, всего 100 километров. Степняки неоднократно жгли Москву или ее пригороды, а успешный набег кочевников мог означать потери десятков тысяч людей угнанными в полон и убитыми. Национальная сплоченность, способность к самопожертвованию и гиперцентрализованное государство были необходимыми предпосылками сначала выживания, а затем превращения Московского княжества в великую империю. И хотя степное пограничье было закрыто с завоеванием Крыма в конце XVIII века, автоматическая реакция на внешнюю угрозу (особенно по отношению к Москве) остается частью русского «культурного генотипа» до нынешнего дня. Процессы социальной эволюции протекают долго, и как приобретение этносом коллективной солидарности и социальной сплоченности, так и их потеря — дело не одного столетия.

Итак, Москва — это не Мазурские озера или, тем более, Лядунский полуостров.

Непосредственная угроза Москве дисциплинирует и концентрирует национальную волю. Советское правительство и конкретно И. В. Сталин, очевидно, знали это, хотя бы и на интуитивном уровне. Именно поэтому они отказались от коммунистических лозунгов и вернулись к проверенным историей символам для мобилизации населения, в частности к православной религии — ведь православие было структурообразующей идеологической подосновой России начиная с самого раннего московского периода. Отголоски русской истории даже слышны в таких популярных военных песнях, как «Священная война»: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой». Конечно, европейские немцы внешне имели мало общего с азиатскими татаро-монголами. Но если судить по результатам, особенно по их общему людоедскому отношению к «недочеловекам», то сравнение вполне правомерное.

Влияние этого исторического фактора очевидно и в предыдущей Отечественной войне (1812), но особенно интересно сравнение с 1612 годом. Гражданская война в России, известная как Смутное время (1598–1613), разразилась по внутренним причинам. Но в результате катастрофической потери национальной сплоченности внешние враги смогли практически беспрепятственно вторгаться в центральные районы России. В 1608 году татары пересекли Оку и грабили селения вокруг Москвы, а в 1610–м польские войска вошли в столицу. Именно в этот момент (начиная с конца 1608 года) центробежная тенденция, которая до того раздирала страну на части, начинает затухать, а интегративный процесс, наоборот, набирать силу. Причем новая интегративная тенденция возникает стихийно, она не направляется из какого-либо центра.

Последнее событие такого рода произошло совсем недавно. Я имею в виду взрывы жилых домов в Москве в 1999 году, организованные кавказскими исламистами. Если целью взрывов было устрашение населения и парализация общественной воли, то полученный результат был полностью противоположен задуманному. Ни у приверженцев официальной версии, ни у критиков ее не вызывает сомнения, что взрывы в Москве были ключевым элементом консолидации общества вокруг Владимира Путина, а также успеха последовавшей чеченской кампании. Конечно, масштабы и вызова, и ответа во второй чеченской были несопоставимы с Великой Отечественной, но логика, связывающая вызов и ответ, — та же.

А как же заградотряды?

Мне могут возразить, что нет нужды искать общие закономерности, объясняющие сплоченность СССР. Советский Союз при Сталине был жесткой (и жестокой) диктатурой, и этим все сказано. Но любое объяснение частного события, включая и такое, подразумевает общую закономерность, иначе это не объяснение. В данном случае предполагается, что диктатуры, авторитарные

В тридцатые годы Сталин уничтожил всех, кто мог бы претендовать на роль альтернативной элиты

Фото: ИТАР-ТАСС

общества более эффективны в ведении войны, чем демократии. Однако эмпирические исследования утверждают обратное: статистический анализ базы данных по военным конфликтам между 1816-м и 1992 годом показывает, что демократические государства выигрывают войны с несколько большей частотой, чем авторитарные государства. Эффект этот не слишком сильный, и исследователи пока не пришли к консенсусу по поводу конкретного механизма этой корреляции, но в любом случае авторитаризм никак не связан с высокой военной эффективностью. Достаточно сравнить дееспособность армий фашистской Италии и нацистской Германии, стран с очень схожим политическим строем. Политический строй и сплоченность нации — факторы ортогональные друг другу. Как диктатуры, так и демократии могут быть либо сплоченными, либо разобщенными.

В более крайней форме предположение, что боеспособность Красной армии объясняется одним ужасом перед заградотрядами, вообще абсурдно с социологической точки зрения. В битвах побеждают армии с высоким уровнем сплоченности, кооперации и способностью солдат и офицеров к самопожертвованию, а вовсе не армии, в которых одна часть гонит на смерть другую. Кооперация на базе одного насилия в принципе невозможна.

С другой стороны, все армии пользуются принуждением в той или иной форме — в военное время трусов и дезертиров расстреливают даже самые демократические государства. Как работает связка «кооперация — принуждение» в коллективах реальных людей (а не умозрительных конструктов, ничего не имеющих с реальностью, таких как «гомо экономикусы»), стало понятно лишь совсем недавно, в результате математических моделей и экспериментов в новой междисциплинарной области, «поведенческой экономике» (Behavioral Economics). Большинство людей в самых разных обществах во многих ситуациях готовы поступиться личной выгодой для общего блага. Но в любом обществе присутствуют и «халявщики» (free riders) — те, кто свой вклад в общее дело не вносит, но с готовностью пользуется плодами кооперации. Присутствие халявщиков оказывает разрушительное воздействие на способность группы к кооперации. Те, кто готов тянуть лямку, видят, что за их счет процветают халявщики, и, естественно, у них пропадает желание работать на общее благо. Никто не хочет быть «лохом». В результате способность группы к коллективному действию сходит на нет.

Эксперименты, проведенные Эрнстом Фером, Джозефом Хенриком и многими другими исследователями с реальными людьми в самых разных обществах — и индустриальных, и аграрных, и даже охотников-собирателей, — показали, как эту проблему можно преодолеть. Просто надо дать честным участникам кооперирующей группы возможность наказывать халявщиков (например, каждый участник может заплатить, чтобы на другого участника наложили штраф). В такой ситуации (и если в группе достаточное число честных «кооператоров») халявщики быстро понимают, что им выгоднее вносить свою долю в общий котел, чем платить бесконечные штрафы. В результате после первоначального всплеска число штрафов быстро падает к нулю (но возможность штрафов продолжает мотивировать халявщиков), а честные участники с чувством выполненного долга могут теперь спокойно работать на общее дело. Все тянут лямку, и никто не «лох».

Таким образом, группы, состоящие из одних халявщиков (или, пользуясь языком экономики, «рациональных агентов»), в принципе не способны к кооперации. В экономике этот теоретический

результат известен как «трагедия общего дела» (Tragedy of the Commons). Поэтому главный элемент, обеспечивающий эффективное коллективное действие, — это наличие в группе «кооператоров». В группах, состоящих из одних честных «кооператоров», больше ничего не нужно. Но в группах, в которых есть халявщики (а чем больше группа, тем вероятнее, что в ней окажутся халявщики), необходим второй элемент — принуждение. Причем главная функция принуждения — убедить честных участников, что трудами их плодов не воспользуются халявщики.

Интересно, что эта логика явным образом присутствует в том самом приказе № 227 от 28 июля 1942 года, известном как «Ни шагу назад!». Там, в частности, говорится: «В случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

Фактор страха никак не способен объяснить высокие боевые качества Красной армии, а скорее — наоборот. Вполне вероятно, что чересчур жестокое и несправедливое отношение к советским солдатам и офицерам, включая тех, кто героически вырвался из окружения, подрывало боеспособность армии.

Возвращаясь к общей теме сталинских репрессивных органов, понятно, что они могли бы быть важным фактором в подавлении революционных выступлений, наподобие тех, которые привели к революциям 1905-го и 1917 года. Другое дело, что, за исключением национальных окраин, ничего подобного в СССР в 1941–1945 годах не наблюдалось. То есть подавлять было нечего. Немецкие полчища на подходе к Москве были одной из причин, объясняющих отсутствие таких выступлений. Но был и второй фактор, который, возможно, не уступал по значимости влиянию внешней угрозы.

Фактор «перепроизводства элит»

В исторической социологии пока нет однозначного ответа на вопрос, почему происходят революции. Из множества выдвинутых объяснений некоторые были отвергнуты как не соответствующие эмпирическим фактам. Например, Марксова концепция классового конфликта была признана несостоятельной после того, как детальные исторические исследования показали, что ни в Английской, ни во Французской революции не было противостояния буржуазии и «феодалов». Например, в Английской революции одни представители купечества были роялистами, а другие — сторонниками парламента. Нет сомнений, что английская гражданская война была результатом глубокого раскола элит, но в этом расколе главную роль играли не экономические факторы, а религия, регионализм и просто личные связи. (Заметим, что мы здесь пользуемся термином «элиты» в его социологическом смысле, то есть это тот сегмент населения, который обладает властью или претендует на нее.)

Военное поражение как основная предпосылка революции послужило стержнем общей теории, предложенной американским социологом Тэдой Скочпол в 1979 году. Проблема, однако, в том, что исторические государства воевали почти непрерывно и, соответственно, часто проигрывали (если одна сторона выиграла, то противник должен был проиграть). И далеко не все (и даже не большинство) поражений приводили к революциям. Французская революция, кстати говоря, произошла после того, как Франция выиграла войну с Англией (это была американская война

за независимость, в которой Франция выступала союзником США). Проигрыш в войне ведет к революции, только если внутри страны уже произошел раскол элит и одна часть элиты пользуется проигрышем для дискредитации правящей группировки.

Видимо, раскол элит и есть одна из самых важных причин революций. Одна из наиболее влиятельных концепций в современной исторической социологии, структурно-демографическая теория (см. «Эксперт» № 42 за 2008 г.), предлагает следующее объяснение механизма, который ведет к расколу элит. Основным фактором является «перепроизводство элиты» — чрезмерное разрастание числа претендентов на элитные позиции во властных структурах. В результате того что численность элит превышает свою «экологическую нишу», растет внутриэлитная конкуренция и конфликты, в свою очередь ведущие к фрагментации элит. Возникает слой так называемых контрэлит — обедневшие дворяне, младшие сыновья, «элитные претенденты» из разбогатевших крестьян или купцов и т. д. Их не устраивает сложившаяся структура власти, они и затевают революции.

Структурно-демографические предпосылки русских революций 1905-го и 1917 года описаны в недавних работах Сергея Нефедова. Во второй половине XIX века число потомственных дворян в Европейской России (исключая польские губернии) выросло более чем вдвое. В то же время общая площадь земли, принадлежавшей дворянам, сократилась. Быстро рос процент безземельных и обанкротившихся дворян. Обедневшие дворяне в массовом порядке обращались к альтернативным источникам доходов, главным среди которых была государственная служба. Ужесточение конкуренции за места на госслужбе вызвало резкий рост спроса на высшее образование, на которое кроме дворян претендовали выходцы из купеческих и поповских семей. Число учащихся выросло в четыре раза, но государство было не способно трудоустроить всех выпускников высших учебных заведений (число чиновников увеличилось всего лишь на 20%). Образовался гигантский класс «лишних» людей, который к 1905 году оформился в контрэлиту — от сравнительно умеренных оппозиционеров («Союз освобождения», позже кадеты) до социал-демократов и эсеров.

Накануне Великой Отечественной войны ситуация была диаметрально противоположной. В результате Гражданской войны, красного террора, белой эмиграции и сталинских репрессий проблема перепроизводства элиты не просто была снята с повестки дня — образовалась обратная проблема (например, нехватка квалифицированного высшего военного состава). Видимо, Сталин прекрасно понимал, чем чревато перепроизводство элиты для стабильности государства и его личной власти. В любом случае он создал систему, которая, как гигантский пылесос, высасывала из общества всех элитных претендентов и затем уничтожала их.

Гражданская война была трагическим периодом в русской истории, а сталинские репрессии — еще и чудовищным преступлением. Но они также объясняют, почему в 1941–1945 годах в принципе не могло быть никаких революционных выступлений: не было контрэлит. Все возможные элитные претенденты либо уже были во власти, либо были репрессированы.

Фактор перепроизводства элит также объясняет, почему СССР спустя 50 лет распался. После смерти Сталина советское руководство отменило репрессии, но оставило пылесос включенным. В частности, советская образовательная система производила гигантское количество технической

интеллекции. Структура экономики, однако, менялась очень медленно, и все большее количество выпускников технических вузов оказывались невостребованными. Кроме того, советская система всячески продвигала на руководящие должности «национальные кадры». Результатом было перепроизводство элиты и внутриэлитная конкуренция и конфликты. И хотя СССР формально был диктатурой и в нем присутствовали все необходимые репрессивные органы, они не смогли предотвратить коллапс.

Общие исторические закономерности позволяют нам понять, почему в 1941 году произошел великий патриотический подъем и народ и элиты смогли сплотиться для отпора внешнему врагу. Но это никоим образом не умаляет героизм миллионов обычных людей. В конечном итоге, как писал еще Лев Толстой, движения социальных масс складываются из мириадом индивидуальных волей. Если бы наши отцы и деды не были готовы пожертвовать всем ради спасения Родины, моему поколению пришлось бы смириться в лучшем случае с участью неграмотного сельскохозяйственного раба на немецком фольварке.

[Поделиться](#)